Все четыре стихии словно сговорились вызвать гибель Аргентума. С небес хлестали потоки воды, огонь неконтролируемой фурией метался по внешним уровням улья, воздух полнился смесью дыма и ядовитых испарений, земля сотрясалась.

Титаны шли. Геархарт начал штурм второго по величине города Ореста.

Подпираемые сзади вторым фронтом, пять основных ударных групп из махин Инвикты и Темпестуса под началом лорда Геархарта приступили к попытке предать огромный улей смерти.

Не сумев пробиться сквозь рабочие поселения улья Принципал, Архивраг стянул все свои силы к улью Аргентум, который фактически находился под его контролем уже две недели. Не то чтобы там особенно было что контролировать. Первая битва за Аргентум — или Город-губку, как его прозвали, — практически разрушила древний улей. Огромные куски его конструкции обрушились, выгорели либо находились в процессе выгорания. Махины Архиврага ворвались в улей с севера и с запада — и прошлись по нему со всепоглощающей яростью. Силы скитариев смяли остатки СПО и орестских полков, а затем методично вырезали население. Ходили неподтвержденные слухи о миллионах беженцев, устремившихся в юго-западные поселения. Рассказывали о тридцати-сорокакилометровых колоннах пленных, которых гнали под охраной в Астроблему и Западную проспекцию. Архивраг собирал подневольную рабочую силу, шептали одни. Может, рабочую силу, мрачно вторили другие, а может, и сырье для какого-то ужасающего жертвоприношения своим безумным богам из варпа.

Лорд Геархарт, отмахиваясь от домыслов, полагал, что знает, чего хочет противник.

Архивраг хотел драки. Он хотел выманить значительное число махин, защищающих высокий улей и Кузницу, из поселений — и уничтожить их одним решающим ударом. Для исполнения этого плана и был избран Аргентум.

Эта тактика, однако, могла сработать на обе стороны. Чтобы заманить махины Механикус в Аргентум, Архиврагу пришлось сконцентрировать здесь собственные силы. Уничтожение противника одним решающим ударом теперь стало возможным для обеих сторон.

Геархарт понимал, что идти на такой гамбит рискованно. Часть его старших принцепсов, включая Расина и Джекроу, высказывались против. Силы врага были огромны и сосредоточены в одном месте, и в бой они шли с безрассудной яростью.

Геархарт знал, что такое ярость. Ярость создала ему прозвище и репутацию, но ярость его не была безрассудной. Она была бесстрастной, она была контролируемой. На пике своем она была настолько беспощадной и методичной, что Геархарт сам себя боялся. Он боялся собственной способности к разрушению. Когда он позволял поглотить себя Красной Фурии, то целиком отдавался машинному духу. Он отдавался БМУ и той разумной мощи, что пылала в реакторах «Инвиктус Антагонистес». Эта сублимация принесла ему множество побед и вознесла от скромного фамулюса до принцепса максимус. Она принесет ему победу и в этой битве.

Геархарт не сомневался, что годы сублимации были повинны и в постепенном стирании его собственной сущности. Он чувствовал где-то глубоко, тем, что когда-то было его нутром, некий внутренний ответ, похожий на глухое урчание реактора, скрытого в тощей брюшине, что Аргентум станет для него последним походом.

Он разглядывал через манифольд лица экипажа на мостике. Каждый усердно работал на своем месте, готовясь к предстоящему штурму. Ему их будет не хватать. А будет ли им не хватать его? Кто займет его место в раке? И не потеряет ли однажды его преемник себя в «Инвиктус Антагонистес» тоже?

В этот вечер на мостике присутствовали и другие лица. Они явились непрошеными и сейчас таились, словно призраки, среди теней, наблюдая за работой экипажа. Экипаж не замечал их присутствия. Вот Люциус Каринг, сгорбленный и что-то бормочущий, цыкает недовольно над рулевым, неуклюже манипулирующим цепями привода. Вот Лодем Баннс, первый модерати Геархарта, погибший два столетия назад в Генокрадских войнах, следит за работой Бернала, сидящего в кресле в подбородке титана. Вот Эрвин Геката с «Диктацио», мрачный и прямой, ждет, когда начнется кровопролитие. Вот Гаэтан Санктос, предшественник Геархарта по принцептуре «Антагонистеса», стоит молчаливый и прямой как палка. Рядом с ним — Тавр Менгс, бывший принцепсом до Санктоса, и с ними другие лица — призраки попрозрачнее, некоторые настолько старые и выцветшие, что их едва заметно, словно надпись на стене, перекрытую другими надписями.

Геархарт не знал их имен, но в то же время знал их всех. Они были принцепсами, командовавшими «Антагонистесом» в прошедшие эпохи: десятитысячелетний почетный список, восходящий к Марсу и рождению Империума — и потере целомудрия. Они представляли собой историю, которую ни один человек, даже сам Геархарт, не мог охватить целиком. БМУ призвал их всех быть свидетелями последнего выступления Геархарта.

— Все готово, мой принцепс, — сообщил Лодем Баннс.

<Благодарю, мой модерати>, — отозвался Геархарт.

— Следите за шумом щитов, молодой человек, — посоветовал Санктос. — На улицах улья везде будет эхо и наложение волн. Вели своему сенсори принять это во внимание.

<Обязательно, сэр>.

— Помни, ты самый могущественный разрушитель во всем мироздании, — тихо произнес Геката. — Даже великие Астартес страшатся нас. Высокомерие — это не грех. Гордость — это не слабость. Ты — бог. Очень специфический бог.

<Бог войны. Я знаю, сэр>.

— Так будь богом.

<Буду. И есть, сэр>.

— И не дай им себя отключить, — прошипел Люциус Каринг.

<Мой принцепс?>

— Не дай им с тобой так поступить. Так, как они поступили со мной. Скоты. Лучше, если ты сначала умрешь.

<Да, мой принцепс>.

— Ты понял меня, парень? Ты как следует меня понял, отвесь такой могучий лорд Геархарт?

<Да, мой принцепс>.

Тени начали собираться вокруг него, окружая раку, пока все поле его зрения не заняли их старые, забытые лица, взирающие на него. Их холодные, безжизненные ладони прижимались к стеклу и не оставляли следов.

<Я знаю, что делаю, — прокантировал Геархарт. — Любезно прошу оставить меня в покое!>

— Что вы сказали, мой принцепс? — откликнулся Бернал.

Геархарт стабилизировал себя в жидкости раки. Тени исчезли.

<Модерати?>

— Вы, кажется, что-то сказали, мой принцепс.

<Просто размышлял про себя, Бернал. Каково наше состояние?>

— Передаю оперативную информацию на ваш манифольд, мой принцепс.

Геархарт быстро просмотрел данные, движением век впитав более шести тысяч отдельных элементов из последовательности.

<Мы готовы, насколько это возможно>, — прокантировал он.

— Так точно, мой принцепс, — отозвался модерати, защелкнул свое кресло, двинув его вперед,

и кивнул рулевому и сенсори.

<Команда по манифольду всем группам, — прокантировал Геархарт. — Приказ «вперед!» отдан!>

По команде Лау трехкилометровая масса скитариев и катафрактариев хлынула к внешним рвам и стенам Аргентума. На бегу они издали совместный кодовый вопль, который потряс небеса и даже Геархарта заставил поморщиться.

Черный, пропитанный влагой воздух осветился вспышками выстрелов, пылающими следами ракет и просверками лазерных лучей. Менее чем через сорок секунд схватка перешла в ближний бой. Скитарии Инвикты врезались в массированные ряды вражеских воинов, разбивая и отбрасывая их назад через грязь и дым. По линии сражающихся прокатились мощные взрывы. Одни из главных ворот улья взорвались и рухнули.

Тяжеловесные и величественные, махины шагали вслед за катящейся вперед лавиной скитариев. Они шли сквозь дождь и клубящийся дым; тысячи крошечных попаданий вспыхивали и лопались на пустотных щитах; лазерные трассеры пролетали мимо, словно яркие, беззаботные ленты, несомые ветром. Махины принялись разряжать свои орудия и корпусные установки в стены и ворота улья. Бурлящая завеса мерцающего света и хлещущего пламени покатилась по внешним уровням — очищающая огненная буря, которая не оставляла за собой ничего, кроме спекшегося керамита и разбитого роккрита.

«Псы войны» ускакали вперед, пройдя сквозь боевые порядки скитариев, — «Предок Морбиуса», «Люпус Люкс», «Раптус Солемнус» — лучшие из верных «Псов» Геархарта. Быстрые и уверенные, они пробивали себе дорогу сквозь вражеские войска, разнося на куски танки и тяжелых катафрактариев.

«Амадеус Фобос» первым достиг главных восточных ворот Аргентума и первым вступил в бой с вражескими махинами. В узком проходе ворот он пронзил воздух копьями ракет, когда два проклятых «Разбойника» попытались его остановить. «Филопос Маникс» подошел и встал рядом, приняв мощное попадание на пустотные щиты, и походя казнил одного из «Разбойников» из своего орудия. Перекрытие мощных ворот из тысячелетнего камня рухнуло, и куски разбитой кладки посыпались вниз, соскальзывая по пустотным щитам махин. Ворота, превращенные в пару изрытых воронками куч без верха, так никогда и не были отстроены заново. В последующем их назвали Вратами Маникс, и верующие Механикус совершали к ним паломничества, наряжая и украшая их израненные, побитые камни лентами, символическими шестернями и табличками.

«Маникс» и «Фобос» продолжали прокладывать себе путь через ворота, с хрустом давя боевых сервиторов. Второй «Разбойник» пал под огнем орудий «Маникса», подмяв своим пылающим корпусом сотню вражеских скитариев. Кроваво-красный «Владыка войны», визжа мусорным кодом, вышел из уровня провалов, чтобы занять место павших «Разбойников».

«Маникс» и «Фобос» выстрелили одновременно.

Борман входил на «Дивинитус Монструм» через Арку Перспективы в двух километрах севернее главных восточных ворот. «Мститель Каликса» шагал следом, выпуская из корпусной установки ракеты. Улицы перед ними сметало катящейся взрывной волной.

Не обращая внимания на клубы пламени, к ним навстречу сквозь взметнувшуюся преисподнюю прорвались три вражеских «Владыки войны».

«Монструм» и «Мститель» выдвинули орудия ближнего боя и, не прекращая огня, направились к противникам.

«Сикариец Фаэро» вошел в Аргентум, пробив дыру во внешней стене. Наземные силы Лау хлынули следом по дымящимся обломкам. «Фаэро» убил вражеского «Пса войны» мастерским выстрелом в брюшину, а затем пошел на сближение с «Разбойником», осыпавшим его ракетами.

Он шагал сквозь встречный огонь гнусного врага — его щиты держались, а поднятый бластган искал цель.

«Орестес Магнификат» провел четвертую ударную группу через Врата Бардольфа в Сады Секвенции и внешние проходы богатых южных кварталов улья. У лодочного озера он предал смерти вражеский «Разбойник», оставив его труп гореть на некогда безукоризненных газонах. Затем повернул на север, в жилую зону верхних классов, известную как Симфония.

Через одиннадцать минут хода, с хрустом пройдя мимо вычурно украшенного публичного фонтана на площади Лира — мраморного изваяния умирающего Императора на руках его выживших примархов, о котором упоминается во всех путеводителях по Аргентуму, — «Орестес Магнификат» погиб вместе со всем экипажем.

Сопровождавшие его скитарии при виде махины, убившей их головного «Владыку войны», в ужасе бросились назад.

Выступив с нижних улиц, она выкрикнула свое имя. От воя мусорного кода лопались барабанные перепонки и вскипал леденящий страх. Сжигая на ходу бегущих скитариев, махина завыла снова.

Имя ей было «Аугменавтус Рекс», и когда-то она являлась титаном модели «Император».

>

Крузий следил за продвижением главного штурма по манифольду. Краулер вместе со своим эскортом остановился менее чем в пяти километрах от передовой. Экипаж наблюдал сквозь обзорный купол, как под сильным вечерним ливнем пылает Аргентум.

Крузий следил за продвижением главного штурма по манифольду. Краулер вместе со своим эскортом остановился менее чем в пяти километрах от передовой. Экипаж наблюдал сквозь обзорный купол, как под сильным вечерним ливнем пылает Аргентум.

Крузия не интересовало это апокалипсическое зрелище. Его больше волновало отслеживание индивидуальных передач и записей с орудийных камер, которые всплесками разворачивал перед ним манифольд. Его мнение о штурме Аргентума совпадало с мнением лорда Геархарта.

Приблизился Лысенко.

<Я еще раз передал ваши сообщения адепту сеньорус и лорду-губернатору, — прокантировал он. — От обоих по-прежнему никакого ответа>.

<Все еще проблемы со связью?>

Лысенко пожал плечами:

<Надеюсь. Если нет, то их продолжающееся молчание не сулит ничего хорошего>.

<А Зонне?>

<От фамулюса тоже ничего, экзекутор>.

Крузий кивнул, не отрывая глаз от манифольда.

<Как настроения на борту?>

<Все успокоилось, экзекутор, — прокантировал Лысенко. — Мне пришлось отчитать нескольких членов экипажа за буйное поведение и разжигающие вражду антиимперские и антикузнечные высказывания, но сейчас все приведено к порядку. Это, — он указал на вид горящего улья, — привлекает всеобщее внимание больше>.

Дверь мостика открылась — Лысенко повернулся.

<Мамзель Северин, экзекутор>.

Крузий оторвался от манифольда и подошел, чтобы поприветствовать Этту и ее телохранителя. Он полагал, что для Северин уже достаточно безопасно покинуть ее покои, однако заметил, что Готч вооружился хеллганом. Беглое сканирование также показало, что Этта Северин прячет под курткой пистолет.

— Этта, — он грациозно склонил голову.

Северин смотрела мимо него, загипнотизированная видом Аргентума.

— Святый Трон! — пробормотала она.

— Как видите, штурм Аргентума идет полным ходом, — произнес Крузий. — Я подумал, что вы будете не против увидеть. Я могу организовать подключение к манифольду, если желаете посмотреть индивидуальные передачи ради подробностей.

— От улья ничего не останется, — произнесла она, по-прежнему глядя сквозь обзорный купол. Невозможно было различить детали — лишь размытое пятно из дыма, дождя, огня и тьмы, шевелящееся на фоне громадного силуэта улья.

— Если быть честным, то основная задумка, чтобы ничего не осталось от врага, — сказал Крузий. — Лорд Геархарт уверен, что здесь мы стянули в одном месте все главные силы Архиврага. Я разделяю его уверенность. Возможно, сейчас вы наблюдаете за освобождением Ореста.

— Тогда освобождение Ореста — самая отталкивающая вещь, какую я когда-либо видела, — ответила Северин.

— Это война, — произнес Готч. — У войны есть цель, у войны есть смысл. Война может быть правой и справедливой, но она никогда не бывает красивой.

— Хорошо сказано, майор, — заметил Крузий и повернулся к Северин. — Этта, могу я оторвать вас на минуту?

Она перевела глаза на него и позволила подвести себя к другой стороне мостика. Готч стоял наготове, следя за ней внимательнее, чем за геенной огненной снаружи.

— Вы в курсе неприятных событий в улье Принципал? — тихо спросил Крузий.

— Да, — ответила она. — Я нахожу их очень тревожными. Потенциально они способны заставить то, что происходит с Аргентумом, показаться будничным.

— В самом деле. Могу я спросить, не вели ли вы переписку с лордом-губернатором Алеутоном с момента нашей последней встречи?

— Раз вы признались в слежке за моими передачами, экзекутор, то, полагаю, вы прекрасно осведомлены, что не вела.

Крузий улыбнулся:

— Я хотел удостовериться. Вполне вероятно, что у вас есть устройства связи, невидимые моему сканированию. Прошу вас, Этта. Я должен знать. Ситуация слишком зыбкая для нас с вами, чтобы скрывать что-то друг от друга. Если придется выбирать чью-то сторону, вы должны знать, что Легио Инвикта будет на вашей стороне.

— Против Кузницы?

— Если придется. Инвикта не останется в стороне, чтобы позволить еретическим убеждениям разделить Империум и Механикус.

Она не ответила.

— Вы верите мне? — спросил он.

— Я думаю, что верю вам достаточно, — сказала она. — Нет, я не имела сеансов связи с лордом-губернатором. У меня нет устройств, невидимых вашему сканированию.

— Благодарю вас. По распоряжению лорда Геархарта я пытался связаться с ульем, точнее — с лордом-губернатором и адептом сеньорус. Лорд Геархарт желал, чтобы я заверил лорда-губернатора, что Легио Инвикта целиком и полностью на его стороне. Ответа я не получил.

— Понятно. Существует множество причин…

— И некоторые из них — нехорошие, — перебил он. — Могу я вас попросить составить сообщение и отправить ему через главный вокс краулера и ноосферную связь? Если по какой-либо причине он решил игнорировать мои сигналы, то сообщение от вас может помочь передать мои заверения. Вы должны заставить его понять, что мы полностью поддерживаем его и имперские интересы.

— Конечно, — ответила она. Крузий отвел ее к пульту связи, и Северин принялась набирать на клавиатуре сообщение.

<Экзекутор!>

Крузий оставил ее заниматься сообщением и поспешил к Лысенко, который наблюдал за дежурными сервиторами, занимающимися тактической оценкой происходящего.

<Докладывай>.

<Съемка с орудийной камеры катафрактария в районе Симфония, — прокантировал Лысенко. — Выгружаю маркер передачи в ваш манифольд>.

<Загружаю, — ответил Крузий, переключая зрение на манифольд. — О Марс! Это что — «Император»?>

<Очертания подтверждены, — прокантировал Лысенко. — Я отправил передачу в Аналитику для перекрестного сравнения с «Вражеским каталогом», но…>

<Дай угадаю. Ответа не было?>

<Нет>.

<Свяжись с лордом Геархартом>.

<Связь налажена>.

Крузий отступил на шаг. В манифольде он внезапно оказался перед ракой Геархарта на борту «Инвиктус Антагонистес». На теле Геархарта явственно выделялись психостигматические раны; он сгорбился и дрожал. Крузий понял, что принцепсом начинает овладевать Красная Фурия. Через вспомогательные каналы манифольда Крузий узнал, что «Антагонистес» ведет перестрелку с двумя вражескими «Владыками войны» в третьей крупнейшей коммерции Аргентума.

<Геката, я занят! — прорычал Геархарт. — Прошу вас, сэр, прекратите на меня пялиться>.

<Это Крузий, милорд>.

Изображение Геархарта слегка моргнуло.

<Крузий? Да, это точно ты, чертенок>.

<Вы назвали меня Гекатой, милорд. Вы имели в виду великого Эрвина Гекату?>

<Старый пес в последнее время не выходит у меня из головы. Слушай, я занят. Бернал! Энергию на передние щиты! Повернуть на два румба и возобновить огонь из деструктора!>

Крузий услышал эхо ответа модерати.

<Я понимаю, что вы в бою, сэр, — прокантировал Крузий, — но мы только что засекли «Император» в районе Симфония. Он уже убил «Орестес Магнификат» и «Крузадус Антроп» и

в данный момент теснит четвертую ударную группу обратно к Вратам Бардольфа>.

<Черт побери! Подожди, экзекутор. Бернал! Залп шестью ракетами! И пройдись болтерами по тем чертовым сервиторам!>

Крузий подождал. Через манифольд он ощущал толчки и грохот работающей ракетной установки «Антагонистеса». Он чувствовал запах прогорклого масла, горячей проводки, выхлопных газов. Он ощущал кислый привкус пота экипажа на мостике «Антагонистеса», секрецию адреналинового прилива, выделяемую работающими в поте лица орудийными сервиторами, и острый запах крови, сочащейся в амниотическую жидкость.

<Махина убита! Махина убита!> — загоготал Геархарт.

<Мои поздравления, господин>, — прокантировал Крузий.

<Мы свалили ее точно шестью ракетами. Вторая махина пытается удрать. Рулевой, в погоню!>

Изображение Геархарта снова повернулось к Крузию: <Ты говорил что-то про «Император», Геката?>

<Крузий, господин>.

<Я знаю, черт! «Император»?>

<В районе Симфония, сэр. Он уже убил «Орестес Магнификат» и «Крузадус Антроп» и…>

<Да-да, я уже принимаю передачу. Я слишком далеко, чтобы разобраться с ним. Третья группа ближе. Я предупрежу Кунга. Ему придется направить туда свои махины. Если «Магнификата» больше нет, кто командует четвертой?>

<Горман Харзи на «Опустошении Вулкануса», господин>.

<Значит, не Геката?>

<Принцепс Геката давно умер, милорд>, — ответил Крузий, пряча тревогу.

<Я знаю! Я имел в виду Санктоса!>

<Милорд, Гаэтан Санктос был вашим предшественником на «Антагонистесе». Он тоже давно умер>.

Канал манифольда на мгновение померк. Когда связь вернулась, появился смеющийся Геархарт.

Канал манифольда на мгновение померк. Когда связь вернулась, появился смеющийся Геархарт.

<Не понимаешь, когда я шучу над тобой, да, Джаред? Ради шестерни, чертенок, ты что — подумал, что я из ума выжил или что?>

<Конечно, нет, милорд. Хотя сейчас, кажется, не совсем подходящий момент для легкомысленности>.

<Засунь легкомысленность себе во входной порт, экзекутор. Мы в самой гуще боя, если ты не заметил. У меня на прицеле махина. Передай Левину, чтобы привел второй фронт на помощь Кунгу. Всю когорту, слышишь меня?>

<Да, милорд. Будет сделано>.

Канал опустел.

Крузий постоял на месте. Потом поднял голову и взглянул на улей, горящий в ночи.

— Лысенко!

<Да, экзекутор?>

— Мне нужен канал с Левином.

<Слушаюсь, экзекутор>.

— И с Борманом, пожалуй. Закрытый канал.

«Борман. Я должен что-то сказать, — думал Крузий. — Если Геархарт дурачился — в самом пекле боя! — то я буду выглядеть дураком. Но это слишком странно. Я должен что-то сказать. Мне придется довериться первому принцепсу. Он должен знать. Он должен быть готов принять командование легио, если…»

<Принцепс Левин на канале шестьсот тридцать один, экзекутор. Первый принцепс Борман на канале триста четыре>.

— Благодарю, Лысенко, — отозвался Крузий. Он переключил каналы своего манифольда. —

Лысенко?

<Да, экзекутор?>

— Не мог бы ты попробовать связаться для меня с Зонне?

<Конечно, экзекутор>.

Крузий вздохнул и гаптическим жестом включил канал 631.

<Принцепс Левин, это Крузий. Приказ лорда Геархарта…>

>

Зонне замер и взмахом остановил свою свиту. Не считая непонятного скитария-часового Темпестуса, огромные залы Внутренней Кузницы были безмолвны и пусты. Сервитор связи Облигана установила, что введен запрет на связь. Вокс и ноосфера не просто заглушены — намеренно отключены от внешнего мира.

Кузница представляла собой запутанный лабиринт. Потолки на высоте четырех или пяти этажей прятались в полумраке. В длинных залах и пустых помещениях царила неясность и радостно гуляло эхо.

Зонне чувствовал себя потерявшимся. А еще он чувствовал себя очень испуганным.

— Где Аналитика?

Карш сверился с сохраненной ноокартой.

<Сто пятьдесят метров, налево, пятьдесят три метра, направо, десять метров до перекрестка…>

— Хватит. Отведи меня туда.

Они открыли дверь и вошли в Аналитику. В главном зале было пусто, за станциями-кафедрами никого. Центральный узел каталога мягко светился в центре помещения. Зонне подошел и вчитался в дисплей.

Там висело пятьсот семьдесят восемь запросов, ожидающих сопоставления с каталогом. Все неотвеченные. Махины Инвикты взывали о вспомогательной информации, но их вопли оставались неуслышанными. Вся работа с «Вражеским каталогом» была приостановлена.

Кем? Почему?

— Мы проиграем эту проклятую войну, — пробормотал Зонне.

<Инвикта никогда не проигрывает>, — машинально прокантировал Карш.

— Может быть, на этот раз, — ответил Зонне. Он повернулся к Облигане: — Случаем, отсюда нельзя открыть канал до экзекутора? Пожалуй, нет.

<На данный момент доступных каналов нет, фамулюс>, — ответила та инфоговоркой.

— Ты можешь отыскать мне адепта сеньорус? Или адепта Файста?

<В процессе, — ответила Облигана. Ее глаза затопили пролистываемые данные. — Адепт сеньорус и адепт Файст находятся в переговорной комнате номер шестнадцать, двумя этажами ниже>.

— Ведите меня туда, — велел Зонне скитариям.

>

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне, как давно это планировалось, — произнес Имануал, от усталости и смятения перейдя на плотский голос. — И хочу, чтоб ты знал: я считаю это изменой. Вы все меня разочаровали. Больше, чем разочаровали. Мне за вас стыдно.

<Ты стар, адепт, ты не понимаешь>, — ответил кантом Толемей.

— Я хорошо понимаю угрозу оружием, глава архивов, — возразил Имануал. — Эти скитарии навели свое оружие на меня и на Файста. Это я понимаю. А вот тебя я не понимаю.

<Кантом, ради шестерни, — выдал инфоговоркой Энхорт. — Терпеть не могу твой невнятный плотский голос!>

Имануал повернулся к экзекутору-фециалу Темпестуса и ответил ему нарочито размеренным плотским голосом:

— Ты, Энхорт. Больше всего разочаровал меня ты. Мой фамулюс, мой друг. Я доверял тебе во всем, а ты строил заговоры против меня с этими дураками. Против меня, против Кузницы, против Механикус.

Энхорт напрягся:

<Космос меняется, Соломан. Механикус растет и развивается. Истина дает нам право. Галактика не должна, не обязана гореть в огне войн Империума вечно. Император и иже с ним утянут нас за собой в пропасть. Да, я был твоим фамулюсом. И по-прежнему считаю себя твоим другом. Как ты не видишь пользы того, что мы делаем? Настало время для Марса занять господствующее положение снова. Присоединяйся к нам>.

— Ты больше мне не друг и не товарищ, Энхорт, — буркнул Имануал. — Ты злоупотребил моим доверием. Ты отравил Кузницу Ореста. Ты обесчестил Механикус.

<Заткнись, старый дурак!> — прокантировал Толемей.

Скитарии вокруг него ощетинились.

— Это я старый дурак, Толемей? — спросил Имануал. — Возможно. Я видел, как развивался этот раскол, и старался отвести его. Пожалуй, нужно было стараться лучше. Пожалуй, нужно было отслеживать результаты диагностики поведения повнимательнее и понять, что таких идиотов, как ты, следует отстранять от должности до того, как они сумеют наделать дел. Представляю, как буду жалеть об этом всю мою оставшуюся жизнь. А еще представляю, что всю мою оставшуюся жизнь можно измерить часами.

<Вы не посмеете причинить вред персоне адепта сеньорус!> — прокантировал Файст.

Один из скитариев повернулся и нацелил свое оружие прямо Файсту в лицо.

<Полагаю, будет лучше, если ты помолчишь, адепт, — снисходительно заявил Иган. — Ты свое дело сделал>.

<Свое дело? В содействии этому богохульству? Ты использовал меня, не так ли, Иган?>

Иган пожал плечами, и его механодендриты нервно колыхнулись.

<Не преднамеренно. Но ты оказался так чертовски полезен>.

<Убейте меня>, — прокантировал Файст.

Иган и Энхорт уставились на него. Толемей рассмеялся.

<Убейте меня, — повторил Файст. — Я не хочу быть частью этого преступления. Лишь объясните мне ваше безумство, прежде чем один из ваших воинов пустит пулю мне в лоб>.

<До этого не дойдет, — прокантировал Иган и глянул на Толемея. — Так ведь, Толемей? Так?>

Тот не ответил.

<Расскажи адепту то, что он хочет, и узнаем>, — прокантировал Энхорт.

Иган сделал шаг к Файсту. Его модифицированные глаза бегали, и Файст чувствовал запах его ускорившейся жидкостной системы.

<Файст, у меня и в мыслях не было втягивать тебя в это. Я не думал доставлять тебе какие-то…>

<Просто расскажи>, — прокантировал Файст.

— Да, расскажи ему, Иган. Мы все внимательно слушаем, — сказал Имануал.

<Толемей наткнулся на эти документы девять лет назад во время обычной каталогизации>, — прокантировал Иган.

<Вы знали об этой тайне девять лет?> — отозвался Файст.

<Девять лет?> — повторила Калиен недоверчиво.

<Девять лет, чтобы решить, что с ними делать, — прокантировал Энхорт. — Девять лет, чтобы сделать выбор>.

<Давайте сразу проясним одну вещь, прежде чем продолжить, — вмешался Толемей. — Документы подлинные, абсолютно подлинные. Это не подделка. Не мистификация. Я ничего не подтасовывал и не изменял. Документы точно такие, какими я извлек их из глубоких архивов, и они доказывают — безо всякой тени сомнения! — что Бог-Император Человечества — не наш Омниссия. Один лишь этот факт должен помочь вам понять искренность наших действий>.

— Факт или нет, — медленно произнес Имануал, словно объясняя что-то ребенку, — но отделение от Империума приведет к войне, к проклятию, к полному уничтожению Механикус. Это непопулярная точка зрения, я знаю, но без Терры мы ничто. Десять тысяч лет истории поставили нас в положение взаимной зависимости. Симбиоза. Твоя правда, Толемей, какой бы истинной она ни была, убьет нас всех.

<Это твое мнение, Соломан>, — ответил Энхорт.

— На данный момент, фамулюс, мое мнение — это все, что у меня осталось, — сказал Имануал.

<С того самого момента, как я прочел документы и понял их ценность, — прокантировал

Толемей, — я знал, что ты не допустишь их публикации, адепт сеньорус. Я знал, что именно такие аргументы ты приведешь. Энхорт надеялся, что тебя можно будет уговорить, так что мы проверили твою убежденностью>.

<Вы проверили меня?> — повторил адепт сеньорус.

<Иган носил тебе материальные книги время от времени, — прокантировал Энхорт. — Материальные книги, файлы, отрывки, копии, выдержки. Он говорил, что носит их тебе для развлечения>.

— Помню.

<Ты их все велел сжечь>.

— И вы поняли, что я никогда не позволю предать эти материалы официальной огласке, — произнес Имануал.

<Мы поняли твои мотивы, — прокантировал Иган. — Мы не согласились с ними. Мы дали тебе все шансы, но ты возражал. Кузнице Ореста не по дороге с новым путем. Ты сам дал нам это понять. Почему ты такой зашоренный?>

— Потому что, в отличие от тебя, Иган, я принимаю во внимание катастрофу, которая разразится, если эти документы выйдут наружу.

Толемей отвернулся.

<С ним бесполезно кантировать>, — с раздражением произнес он.

<Закончите свою историю,> — прокантировал Файст.

— Нетрудно догадаться, — задумчиво произнес адепт сеньорус с отсутствующим взглядом в аугментических глазах, словно решая какую-то далекую абстрактную задачу, — что следующая часть истории включает в себя придумывание способа обойти политику Механикус и мои полномочия, не надевая на себя маску злодеев. Очень трудно увлечь кого-то за собой, когда слушатели тебя освистывают.

<Мы хотели, чтобы материалы были преданы огласке, но понимали, что без твоего разрешения или пойдя против твоего указа станем в глазах Кузницы мятежниками, — прокантировал Энхорт. — Материалы должны были появиться на свет как случайная находка>.

— Очень изобретательно, — пробурчал Имануал. — Я впечатлен твоим коварством, мой фамулюс. Другим вариантом для вас оставался только переворот. Глава архивов, глава

Аналитики, экзекутор-фециал… этакий триумвират против старого и старомодного адепта сеньорус. Вы могли повести за собой многих, но это было бы слишком рискованно. И война стала для вас просто даром машинных духов, не так ли?

<Я… я не понимаю>, — прокантировал Файст.

Иган посмотрел на него, по-прежнему нервно колыхая дендритами.

<Война стала для нас удачным стечением обстоятельств. А ты, мой дорогой адепт, ты не смог бы сыграть свою роль лучше, даже если бы мы ее отрепетировали. Так умно, так находчиво предложить открыть даже секвестированные архивы, чтобы помочь в войне>.

<Толемей оставил документ там, где ты или один из твоих адептов нашли бы его, Файст, — прокантировал Энхорт. — Было даже лучше, если кто-то «обнаружит» данные вместо нас. А Калиен стала последней частью нашего уравнения. Толемей приставил ее к тебе в Аналитику, потому что знал, что она — амбициозный мелкий металлолом, который пойдет на все, чтобы сделать себе имя. Он хорошо ее изучил. Он знал, что она не даст тебе скрыть то, что ты найдешь>.

Калиен у ног Файста сжалась в тугой всхлипывающий комок.

<Ты сделал нашу работу за нас, Файст, — прокантировал Толемей. — Данные раскрыты, а Энхорт, Иган и я не имеем к этому абсолютно никакого отношения>.

<Вас следует поблагодарить обоих, — согласился Энхорт саркастическим бинарным тоном. — Истина теперь где-то там. И ее нельзя вернуть обратно. Как только эта незначительная война на Оресте закончится, будущее примет нас с раскрытыми объятиями. Новое будущее. Марс, восходящий к господству>.

Плечи Файста опустились. Он уставился в пол и помотал головой:

<Что будет теперь?>

— Мой дорогой адепт, — произнес Имануал, беря Файста за руку двумя манипуляторами, — где твое воображение? Теперь начнется переворот. Во время войны, когда публика возбуждена до крайности, а от всеобщей паники нас отделяет лишь полстука сердца, окажется, что Соломан Имануал, адепт сеньорус и глава Кузницы Ореста, умышленно скрыл данные, которые могут изменить судьбу Человечества. Какое же я, оказывается, ужасное чудовище! Какой зашоренный старый дурак, слишком долго стоявший у власти! Магосы Кузницы, простой народ, скитарии и легио, даже имперское население улья, их гранды и политики с благодарностью и пониманием склонятся, когда отважные и верные долгу главы архивов и Аналитики вместе с представительным и харизматичным экзекутором-фециалом Темпестуса самоотверженно предложат свою помощь, дабы вырвать власть из моих дряхлых манипуляторов и восстановить порядок. Так оно примерно и будет, да, Толемей? Иган? Мой

дорогой доверенный фамулюс? Так оно примерно и будет?

Толемей не ответил. Иган нервно заерзал, стараясь не встречаться с Файстом глазами. Энхорт скрестил руки на груди и прокантировал:

<Так примерно и будет>.

<Но мы-то знаем>, — произнес Файст.

— Вот поэтому им придется нас убить, — ответил Имануал.

Он отпустил руку Файста, но за секунду до этого Файст почувствовал, как манипуляторы отстучали незаметную гаптическую дробь:

Будь готов, мой мальчик.

— Хочу еще кое-что сказать напоследок, — заявил Соломан Имануал, подбирая свои одежды и поворачиваясь лицом к троице и скитариям. Он раскрыл аугмиттеры, встроенные в нижнюю часть лица, и выдал короткий и резкий поток кода.

Это был управляющий сигнал: блокировка команд высочайшего приоритета и четкости. Имануал терпеливо составлял ее во время всего разговора. Это была самая прекрасная и совершенная кодовая композиция, какую когда-либо слышал Файст, — работа истинного гения Механикус.

Она временно отменила широкие полномочия Толемея над четырьмя скитариями и заменила его кодированные приказы новой командой.

Скитарии развернулись друг к другу и открыли огонь. С такого близкого расстояния их мощное оружие разрывало тела на куски, забрызгивая помещение кровью, ошметками плоти и биомеханическим ихором. Файст прикрыл лицо, а Калиен вскрикнула от внезапного грохота. Случайный выстрел пробил Игану левое бедро, и тот, скуля, распростерся на полу.

<Беги!> — велел Имануал Файсту, вложив в приказ самый серьезный и выразительный бинарный тон, а сам, несмотря на возраст и дряхлость, он ринулся вперед, размахивая и хлеща дендритами, на Толемея и Энхорта.

<Ты, старый дурак!> — кантировал Энхорт, отбиваясь.

Манипуляторы Имануала хлестнули по нему, оставив резаные раны на щеке и лбу.

Толемею мелькнувшими манипуляторами распороло глотку. Из раны хлынуло содержимое жидкостной системы, и глава архивов рухнул на пол.

Файст, лицо и руки которого заляпали брызги крови и биожидкости, схватил Калиен за руку.

<За мной! — яростно выдал он. — Пошли!>

Он вытащил ее из переговорной в коридор. Они бежали сломя голову, по-прежнему держась за руки.

— Файст!.. — крикнула Калиен, прибавляя ходу, чтобы не отставать. Топот их ног разносился по огромному коридору.

<Заткнись и беги, адепт!>

Несмотря на то что основными функциями экзекутора-фециала являлись церемонии и дипломатия, его модификации делали его вполне подходящим для боя. Тело Энхорта было переделано и усовершенствовано до уровня любого высокопоставленного скитария. Распахнув черные как смоль одежды, Энхорт срубил пару хлещущих механодендритов Имануала ударами армированных ладоней и ногой с разворота отправил адепта сеньорус в другой конец комнаты.

Имануал грохнулся о дальнюю стену. От удара у него захрустели кости, полопались органы и треснула скелетная аугментика. С коротким выдохом он сполз по стене и съежился на полу. Тяжело дыша, Энхорт стоял и смотрел на разбитое тело адепта сеньорус, затем вытер кровь с лица.

<Тупая скотина!> — прокантировал он.

Толемей поднялся на ноги. Иган все еще стонал и корчился на полу, зажимая бедро. Перед облачения Толемея был насквозь пропитан кровью и биожидкостью. Он свел края раны на горле двумя манипуляторами и отвел жидкостной поток через запасные сосуды в обход порванных артерий.

<Все еще со мной?> — вопросил Энхорт.

<Файст и девчонка. Их нужно остановить>, — прокантировал Толемей.

Энхорт кивнул и направился к выходу, созывая скитариев с близлежащих постов.

Зажав горло, Толемей уставился на трепещущее и стонущее тело старого адепта сеньорус. Он подошел к разорванному выстрелами телу одного из скитариев и вытащил пистолет у того с пояса. Оружие было скользким от крови.

<Ты стоишь на пути, — сказал Толемей старому, смертельно раненному адепту, — ты стоишь на пути будущего. Будущее — это мы>.

— Значит, б-будущее, — выдохнул Имануал неразборчиво, коверкая слова непослушным языком, — это не то, что я х-хотел бы ув-видеть.

Толемей поднял пистолет и всадил в грудь адепту сеньорус шесть выстрелов. Первый раздробил позвоночник, следующие два разорвали полостные камеры древнего пластекового сердца. Остальные три были уже лишними.

Соломан Имануал содрогнулся и медленно осел в быстро растекающуюся блестящую лужу крови. Толемей наклонился и закрыл мертвые, мерцающие помехами глаза Имануала мокрыми пальцами.

— Тогда не смотри, — предложил он.

Файст и Калиен бежали. Все еще держась за руки, они проскочили широкий коридор 1823-го уровня Кузницы, свернули на перекрестке и ринулись дальше.

<Почему ты меня просто не бросил?> — крикнула Калиен.

<Возвращайся, если хочешь быть с ними!>

<Не хочу! Клянусь! Я понятия не имела!>

<Тогда пошли, поможешь мне все исправить!>

<Как ты можешь доверять мне после?..>

<Никто не любит, когда его используют>, — ответил он.

Они метнулись в сторону, когда коридор у них за спиной обожгли лазерные выстрелы. Энхорт восстановил контроль над скитариями, и несколько воинов ворвались в коридор позади них. Скитарии пробежали вперед, остановились и навели оружие на бегущую парочку, выхватывая данные целеуказания из ноосферы, которые могли помочь подстрелить Файста и Калиен.

Калиен и Файст ощутили, как по ним скользят призрачные ноосферные прицелы. Спрятаться было некуда.

<Нам конец, Файст! — заверещала Калиен инфоговоркой. — Нам конец!>

Мощный залп пропорол коридор. Скитарии Энхорта выгибались, закручивались и падали, разорванные на части.

<Какой шестерни?> — прокантировал Файст, остановившись и оглядывая дымящиеся тела.

Из сумрака впереди возник Зонне в сопровождении своих воинов. Над оружейными конечностями Карша, Люкса-88 и Тефлара струилось горячее марево.

— Привет, Файст, — поздоровался Зонне. — Тебе лучше пойти с нами, если хочешь остаться в живых.

>

В воздухе чувствовались первые признаки надвигающегося дождя. Калли ощущала его запах. Далекий край Астроблемы стал расплывчатым и туманным. Слышен был едва заметный царапающий звук, похожий на шелест насекомых или статического электричества, — на самом краю слышимости, почти заглушаемый ветерком.

Мобилизованная двадцать шестая торопливо покинула Торный След, катя с собой подводу. Их скорость в основном зависела от того, как быстро Робор сможет идти рядом с раненым принцепсом на подводе. Антик, в минуту неуважительного вдохновения, за которое отчитать его у Калли не было ни времени, ни желания, нацарапал на боку подводы название: «Тератос Титаникус».

— Это типа шутка, — заявил он.

— Только меньше, — добавила Голла Улдана.

Вопреки своей воле, Калли нашла шутку смешной. Разбитая деревянная подвода, умирающий принцепс и одиннадцать испуганных солдат СПО, у которых практически отсутствовали боевые навыки и которые все до единого отчаянно желали оказаться где-нибудь в совершенно другом месте… И подвода под названием «Титаникус».

Они покинули границы Торного Следа, прошли развалины Не Торопись и Города Дальше. Полил дождь, становясь все сильнее. Они не сбавляли хода, протаскивая подводу через грязь.

— Давайте быстрее! — торопила Калли.

— Ох, Калли-детка, попробуй сама потолкай! — пожаловалась Голла.

— Калли обратила внимание, что Дженни помогает катить шаткую повозку, не жалея сил.

Молодец, девочка!

По синюшному, налившемуся злобой небу прокатился раскат грома.

— Это же гром, правда? — спросил Ларс Вульк, налегая на веревки, перекинутые через его могучие плечи.

— Да, Ларс, это гром, — ответила Калли. — Идем, идем.

— Это не гром, да? — шепнула ей Лив Рейсс.

— Ну конечно гром, — подмигнула ей Калли.

В душе она не была так уверена. Гром звучал слишком похоже на поступь махины; словно за ними кто-то шел, кто-то, предупрежденный сигналом Дженни Вирмак.

Еще хуже был царапающий звук. Даже если остальные его и услышали, то приняли за далекий треск молний. Но Калли знала: такой звук издавали те боевые сервиторы, когда семенили ногами и искали жертву. Это был тот самый узнаваемый звук пресловутых таракатанков Антика, разыскивающих их, чтобы убить.

>

Спокойный и полностью собранный, Вансент Кунг вел «Сикарийца Фаэро» сквозь бурлящие пожары южных улиц Аргентума к району Симфония. Жидкость, поддерживающая его внутри раки, на ощупь была холодной, как талая вода. Его разум был тверд, как слиток железа.

Махины третьей ударной группы следовали за «Фаэро» по плавящимся улицам. От их подавляющего огня целые многоквартирные штабели осыпались лавинами камня. Керамитовые стены рвались, словно мокрая бумага. Стекло таяло брызжущими ручьями. В соответствии с полученными сигналами принцепс Левин провел головные махины второго фронта через Врата Песнопений на нижние пандусы окраины улья и следовал на соединение с ним.

Кунг засек впереди перестрелку грандиозных масштабов. Восемь махин четвертой группы, ведомой Горманом Харзи на «Опустошении Вулкануса», вели бой с фантастически огромным вражеским «Императором». Передачи Харзи, рваные от интерференции с мусорным кодом, граничили с безумием. Четвертая группа несла жесточайшие потери — обороняться от циклопической машины им было практически нечем. «Император» шел на них лоб в лоб, ровняя с землей целые городские кварталы и ульевые штабели, чтобы только добраться до них. Кунг сморщился от кодового вопля «Темпус Ионикус», погибшего в огненном шаре, что был горячее солнца.

Сверхтяжелый «Император» был таким огромным, что манифольд изображал его как часть громадной конструкции улья, отделившуюся и ходящую по собственной воле. Башни и похожие на замки конструкции его колоссальной верхней части угрожающе нависали над стеной огня и жара.

<И что, черт возьми, с ним делать?> — прокантировал модерати Даросс.

<Дисциплина! — предупредил Кунг. — Сенсори, дайте полный спектральный анализ его щитов!>

Сенсори быстро выполнил сложную задачу и отправил сжатый пакет с результатами через соединение с манифольдом. Кунг просмотрел результаты и обнаружил, что они лишь подтверждают то, о чем он сам уже догадывался. «Аугменавтус Рекс» был окутан пустотными щитами такой мощности и сцепления, что они могли выдержать все, что на них могли обрушить «Фаэро» и любая другая махина. Единственным способом преодолеть их был непрерывный, разъедающий огонь. Если все они будут стрелять в одну секцию щита достаточно сильно и достаточно долго, то, возможно, сумеют ее пробить. Потребная для этого координация стрельбы могла занять несколько минут.

Однако, как только они приступят к обстрелу, «Аугменавтус Рекс» примется за них, и жить им останется хорошо если несколько минут.

Третью группу от бушующего гиганта отделяло еще три километра.

<Все махины запрашивают разрешения начать стрельбу с дальней дистанции, мой принцепс>, — доложил Даросс.

<Отставить. Разрешения не даю>, — ответил Кунг. Он прокручивал в голове цифры и варианты, проводя тактические вычисления с нечеловеческой скоростью благодаря усовершенствованной химии своего жидкостного потока. Он вычислил минимальную энергетическую мощность, потребную для пробивания единственной секции щитов «Императора», и время, за которое эта мощность должна быть приложена к цели. Возможно — если все махины наведутся по заранее подготовленным расчетам целеуказания и выстрелят одновременно? Нет, пространство для ошибки было слишком велико. Разные махины, расположенные в разных местах, каждая со своими данными на ауспике и особенностями стрельбы… Вокс и кант — слишком неуклюжие инструменты для целиком и полностью скоординированного огня.

Что тогда? Геархарт доверил ему убить этого гиганта. Как бы Геархарт справился с ним?

<Даросс! Соедини меня со всеми принцепсами третьей группы и второго фронта! — приказал Кунг. — И всеми еще оставшимися на поле боя принцепсами четвертой группы! Всеобщий конгресс в манифольде!>

<Слушаюсь, мой принцепс!>

Одно за другим быстрой вереницей материализаций изображения созванных принцепсов появились посреди манифольда вокруг раки Кунга, мрачно уставившись на него. Изображение Ромулура Кибора, принцепса «Целестус Аристеас» четвертой группы, дернулось, задрожало и сменилось шипением кода через секунду после появления: «Аристеас» был повергнут неистовствующим «Императором».

<Принцепс Кунг?> — вступил старый Левин.

<Слушайте меня все, — прокантировал Кунг. — Это не обсуждается, и сейчас не время для дискуссий. Подключайте свои БМУ напрямую к моей махине. Передайте мне управление вашими ауспиками и системами управления огнем. Предоставьте мне полномочия для управления вашими титанами>.

<Соединение БМУ через манифольд запрещено!> — прокантировал Терон со «Страйдекса».

<Соединение БМУ через манифольд запрещено!> — прокантировал Терон со «Страйдекса».

<Если мы откроем наши БМУ в манифольд, то рискуем получить вторжение мусорного кода и порчу!> — заявил Филостарт с «Атрокс Террибилис».

<Я уже сказал — это не обсуждается, — повторил Кунг. — Исполняйте немедленно!>

Изображения принцепсов поисчезали так же быстро, как появились. Кунг поежился, ощущая, как открываются подключения. Он услышал рокот и хрип десятков других махин, словно находился внутри них. Он почувствовал пот и нездоровые выделения жидкостных систем, словно все остальные принцепсы оказались с ним в одной раке.

Груз ощущений оглушал. Кунг застонал от напряжения, чувствуя тяжесть, навалившуюся на разум. Соединиться с одной махиной значило посадить дикого зверя на цепь в своей голове. Соединиться одновременно со многими махинами значило заглянуть через край пропасти, ведущей в ад.

Кунг вздрогнул, отгоняя мерзкие щупальца безумия, лижущие и грызущие края сознания. На секунду он добился просветления. Экзистенциальные ударные волны прокатывались сквозь него. Кунг привык быть гигантом, но сейчас он стал многими гигантами, соединенными вместе, — гигантом из гигантов, больше даже, чем ревущий «Император», что возвышался перед ним. Он стал третьей группой, и вторым фронтом, и остатками четвертой группы. Он стал центром кружащейся, ревущей массы сознаний, яркой и беспощадной, как сверхновая, и катастрофически массивной, как черная дыра.

Собравшись с силами, всхлипывая, он объединил передачи ауспиков, приходящие с других

махин, выбрал расчеты поражения цели и отправил их в разные системы ведения огня. Мусорный код выл и дребезжал на границах сознания, разъедая и стрекоча, стараясь пробраться внутрь и устроить хаос.

<Приготовить все орудия!> — выгрузил Кунг приказ.

Десятки махинных разумов послушно откликнулись. Десятки автоматов заряжания защелкали, десятки ракетных установок распахнули приемники для боеприпасов, десятки массивных энергетических орудий на руках и корпусах начали заряжаться, поглощая энергию из своих аккумуляторов. Десятки перекрестий и прицельных рамок наложились и свелись на одной и той же небольшой секции структуры пустотных щитов «Императора» — третьей нижней левой передней поясничной. Перекрывающиеся прицелы образовали четкую светящуюся рамку в манифольде, похожую на раскаленный клок паутины.

<Огонь!> — прокантировал Вансент Кунг.

В безукоризненном акте одновременного залпа объединенные махины открыли огонь. Со своих разбросанных позиций внутри и снаружи Симфонии махины Инвикты и Темпестуса полыхнули огнем в абсолютной координации. Неистовые лучи энергии хлестнули сквозь пожары и дождь, ракеты ринулись в темноту, прогрохотали бортовые залпы — совмещенная ярость, достаточная, чтобы разрушить целый город.

Все это одномоментно ударило в одну десятиметровую квадратную секцию пустотного щита.

Третья нижняя левая передняя поясничная секция прогнулась, как мыльная пленка от дуновения, и лопнула. Мгновение спустя «Аугменавтус Рекс» испытал общесистемный каскадный сбой щитов, когда взорвались генераторы, попытавшиеся скомпенсировать и перекрыть недостающую секцию.

В поле зрения манифольда ореол, окружавший чудовище, погас, словно огонек задутой свечи.

<Убить его!> — прорычал Кунг.

Многочисленные махины снова открыли огонь. Кунг оставался на единой связи до тех пор, пока не убедился, что его гамбит удался. Когда батареи титанов начали индивидуальный огонь и на вздымающейся надстройке «Императора» появились визуально наблюдаемые попадания, Кунг с чувством выполненного долга отключился по очереди от всех махин, ощущая, как отпускает его страшный груз и невероятное напряжение.

Он поблагодарил Машинного Бога за избавление.

Уничтожение «Аугменавтус Рекс» заняло целых десять минут. Последовательная бомбардировка рушила его башни и шипастые минареты, разбивала черные стекла окон и

зубчатые стены с бойницами. Пылающий, наводящий ужас, потрясающий Бегемот, окутанный раскаленным добела пламенем и удушливым черным дымом, продолжал стрелять, успев забрать с собой еще две верные Кузнице махины.

Кунг услышал жуткий, пронзительный крик мусорного кода, когда «Аугменавтус Рекс» принял смерть. Гиростабилизаторы врага вышли из строя, и гигантские ноги сложились. Замок, который он нес на чудовищных плечах, рухнул вниз, на камни Аргентума, и исчез во всепоглощающем взрыве.

<Махина убита! Махина убита!> — доложил Даросс.

Погружаясь в свою амниотику, с едва теплящейся искрой разума и ослабевшими членами, Кунг кивнул.

<Дай мне минутку, модерати>, — ответил он.

>

Когда Варко и Келл Ашлаг, оба вымокшие до нитки, вернулись к стоянке, там все было темно и мертво.

Вытащив пистолет, Варко вошел в дом.

— А, это ты, — с облегчением буркнул Саген, опуская сковородку, которую намеревался использовать как оружие.

— Что со светом? — спросил Варко.

Светосферы не горели, и генератор молчал. Кто-то расставил несколько свечей в банках, чтобы стало светлее.

— Он высосал всю энергию досуха, — сказал Леопальд.

До Варко дошло, что в углу комнаты стоит Кодер, внимательно изучая убористые надписи на стене.

— Кодер?

— Да, мой капитан?

— Ты живой?

— По всей видимости, мой капитан.

Кодер напрягся, когда Варко обнял его в порыве чувств.

— Я не очень переношу интимность, капитан Варко, — сказал он.

— Прости. Рад тебя видеть.

— И я, сэр.

— Ты здоров?

Кодер пожал плечами:

— Диагностическая оценка насчитала уровень активности и физической формы в пятьдесят восемь процентов, но мне лучше, чем раньше.

— Он высосал из генератора все, — отметил Ашлаг, потягивая кофеин из жестяной кружки.

— Да, я истощил аккумулятор генератора. Это вышло непроизвольно. Я нуждался в энергии.

— И вполне заслуженно, — заметил Ашлаг.

— Что вы там увидели, капитан? — спросил Траск. — У вас такой вид — Трон сохрани!

Варко глянул на Келл, подошел, налил себе кружку кофеина и уселся на табурет. Не торопясь и подбирая слова, он рассказал им про вышку, махины и щит.

Саген закатил глаза. Леопальд, никогда не отличавшийся сдержанностью, издал самое непристойное богохульство, какое доводилось слышать Варко. Траск просто пожал плечами.

— Похоже, вы по колено в дерьме, солдат, — хихикнул Ашлаг.

Он дотянулся до кофейника и со звоном поставил его обратно на печку — Варко вылил себе последнее.

— Что будем делать, сэр? — спросил Саген.

— Предупредим улей, — не раздумывая ответил Варко.

— Этот план может сработать, — сказал Кодер, — если не считать двух ключевых пунктов.

— И каких?

— У нас нет вокс-передатчика и любых других способов связи.

Варко кивнул:

— Угу, это я уже сообразил. А второй?

— Даже если бы у нас был вокс или подключение к ноосфере, нас блокирует щит.

Варко посмотрел на него:

— Небо закрыто, Кодер?

Кодер кивнул:

— Точно так, капитан.

— У кого есть предложения? — спросил Варко. — Мне нужны идеи.

Никто не ответил. Дождь барабанил по крыше дома. Похоже было, что рассвет не наступит никогда.

— Если… — начал Кодер.

— Что? — спросил Варко.

— Ничего.

— Говори уже.

— Я просто размышляю, капитан. Если воинство махин обнаружат с орбиты, то об угрозе будет сообщено.

— Конечно, будет. И как мы это сделаем? — спросил Варко. Он остановился и задумался, уже понимая, что предлагает Кодер.

Келл Ашлаг догадалась на секунду раньше.

— Вы отрубите вышку, — сказала она.

— Мы отрубим вышку, — сказал Варко. — Мы отрубим эту фриганую вышку и отключим щит.

Леопальд начал хохотать. Он хохотал так сильно, что уронил кружку. Траск с Сагеном тоже начали смеяться, и старик Ашлаг, подхватив веселье, хихикал, пока не заболела рука.

— Удачи, капитан! — взвыл Леопальд.

— Мы отрубим вышку, — настойчиво повторил Варко.

— Чем? — спросил Саген, вытирая слезы. — У нас есть пистолет, лазмушкет, «Кентавр», стаббер, несколько дисков с патронами… да, черт возьми! Давайте нападем на кучу махин! Мы точно победим!

— Нам нужна взрывчатка, — произнес Кодер с непроницаемым выражением лица.

— Откуда ей взяться? — фыркнул Леопальд.

Кодер указал на стену:

— Некто по имени Альбрех оставил инструкцию, как найти залежи селитры.

— Селитры? — Леопальд пожал плечами. Он быстро остыл и перестал смеяться. — Пожалуй, это годится.

— Вы сможете ее найти? Селитру? — спросил Варко у Ашлага.

— Вы сможете ее найти? Селитру? — спросил Варко у Ашлага.

— Конечно, — ответил старик. — По карте Альбреха найду.

— А эту гипотетическую взрывчатку — во что вы ее сложите? — спросил Леопальд.

— В бачки для продуктов, — тут же ответил Кодер. — Они объемистые. Мы еще можем смастерить гранаты из банок и поражающие элементы из кучи разных болтов, гаек и гвоздей.

— Погоди, погоди! — сказал Леопальд, поднимаясь на ноги. — Не гони. Селитра — это здорово. Основные составляющие для раствора есть, осталось найти подходящий осадитель.

— Например, мочу? — спросил Кодер.

— Ага.

— Старую мочу?

— Еще лучше.

— Тут, прямо на улице — нужник, — сказал Варко.

Леопальд заколебался:

— Придется сделать фильтр…

— Печная зола и угли! — заявил Ашлаг, ухватив предмет разговора.

— Хорошо, — сказал Варко. — Очень хорошо. Сможешь?

— Главное — найдите мне селитру, — сказал Леопальд Ашлагу, берясь за куртку.

— Я вычищу и подготовлю бачки, — сказал Траск.

— Что означает — жижу из нужника черпать мне, — вздохнул Саген.

— Я тебя обожаю, — ухмыльнулся Варко.

— Саген, я тебе помогу, — сказал Кодер.

— Я соберу фильтр, — вызвалась Келл Ашлаг. — Я знаю, как это работает.

Варко поцеловал ее в щеку:

— Молодчина.

Келл улыбнулась.

— Нам еще понадобится запальник, конечно, — сказал Леопальд, натягивая куртку.

— Там где-то на полках была шахтерская детолента, — вспомнил Варко. — Ее оставил Рейдо или Релдо — забыл, как его.

Кодер поднял катушку детоленты.

— Релдо, капитан.

— Тогда за дело! — объявил Варко.

http://tl.rulate.ru/book/30591/660709